

Множество талантов и одно призвание

Нея Зоркая

О Григории Нерсесовиче, нашем учителе, человеке выдающихся талантов и душевных качеств, хотелось бы рассказывать и рассказывать, вспоминать и вспоминать.

Весь облик Григория Нерсесовича излучал открытую доброту, мягкость, благосклонность, равно относимую к каждому. Ему свойственны были не просто доброжелательность или снисходительность, а, я бы сказала, восторженное отношение к ученику, мало-мальски подающему надежды. Поощрение и, если так можно выразиться, «методика аванса» – вот что лежало в основе его педагогики. Если бы мы были тогда поумнее, мы бы понимали, каким благородством нашего учителя обеспечен был этот его аванс!

Однажды, уже в конце третьего курса, Бояджиев раздал нам книги театральные критиков для устных докладов, каждый – на целое занятие. Кому старые «Спектакли и пьесы» или новую «Драматургию М. Горького» Ю. Юзовского, которого очень любил, кому – П. Новицкого, кому – Д. Тальникова. Потом, после чуть торжественной паузы, достает маленькую синюю книжку. Это была его собственная «Театральность и правда», чуть ли ни сигнальный экземпляр. «А вот это я предложу своему строгому оппоненту и попрошу разобрать без всякого снисхождения», – говорит он и вручает книжицу мне.

Ну что ж? Без снисхождения – это можно! Беру красный карандаш, черкаю, делаю всякие стрелки, квадратные скобки: здесь – противоречие, здесь – несоответствие, здесь – вообще все неправильно! Книжка у меня сохранилась, вся в римских цифрах, восклицательных знаках, вопросах, начертанных уверенным красным карандашом.

Старалась, как могла, и с этим явилась на семинар. Зачитываю свои заметки на полях, раскрываю квадратные скобки. Вижу: Бояджиев в стороне за столиком (за преподавательским столом – докладчик) слушает внимательно, много записывает, но почему-то часто смеется, хотя и хочет быть максимально серьезным. Как было заранее назначено, говорила я два академических часа без перерыва. А потом Григорий Нерсесович, опять-таки стараясь сдерживать смех, сказал: «Полемика отменяется, ибо победителей не судят».

Никак не будучи ни педантом, ни театроведом сугубо академического толка (я никогда не видела или не замечала у него каких-либо картотек), Бояджиев учил нас максимальной серьезности и вниманию по отношению к каждому произведению искусства. Он говорил, например, что профессиональный критик не имеет права уходить со спектакля, не дождавшись конца, даже если это очень плохой спектакль. Уход критика – это акция, общественное событие.

Горячо и страстно любя театр, став театральным практиком, опытным завлитом, театральным человеком до мозга костей, Бояджиев чрезвычайно высоко ставил профессию критика, никак не считая ее «вторичной» или «подчиненной» так называемым «творческим» профессиям. И при всей огромной любви к оригиналу, то есть спектаклю, искусству театра, Бояджиев был вдохновлен пониманием критики как самостоятельного искусства, как особой театральной литературы,

14 марта 2004 года выдающемуся театроведу, театральному критику и педагогу Григорию Нерсесовичу БОЯДЖИЕВУ исполнилось бы 95 лет. Существует и другая дата: 13 мая 1974 года, три десятилетия назад, Бояджиева не стало. Все эти тридцать лет ученики Григория Нерсесовича не устают восхищенно рассказывать теперь уже своим ученикам, новым поколениям гитисовских студентов, о научных и человеческих талантах своего забываемого учителя. В 1989 году ими был выпущен сборник «Г.Н.Бояджиев: педагог, ученый, человек»; долгое время гитисовская кафедра истории и теории зарубежного театра ежегодно проводила весенние «Бояджиевские чтения»; к 90-летию со дня рождения Бояджиева в ГИТИСе был издан сборник научных трудов, посвященный его памяти. Идея нынешней публикации также принадлежит ученикам Григория Нерсесовича.

способной если не заменить сам спектакль, то во всяком случае стать с ним вровень.

Школа высокой и свободной театральной эссеистики – вот как следовало бы назвать семинар Г.Н.Бояджиева, методику его воспитания театроведческой молодежи. Многие из нас пошли потом другими, своими, путями, но то, чему учил нас Григорий Нерсесович, оставалось фундаментом. Нам было дано все, а если мы не все сумели взять, то в этом сами виноваты.

Алексей Бартошевич

У Григория Нерсесовича Бояджиева было много талантов и одно призвание. Призвание педагога – не в скучно-банально-школьном, а в подлинном значении слова, педагога как водителя душ, дар крайне редкий. Бояджиеву же он был отмерен полной мерой. У него была любовь к процессу извлечения из людей скрытых до поры способностей. И очень часто ему это удавалось. Бояджиев, как никто иной, умел жить интересами тех, кого учил, он радовался их победам, негодовал и расстраивался, когда они проваливались из-за небрежности или халтуры. С энтузиазмом пересказывал истории «гадких утят», истории о том, как самый, по общему мнению, безнадежный студент вдруг расцвел и на глазах превращался в «лебедя» – потому, что благодаря учителю смог поверить в себя. Он очень гордился такими случаями, которых, на самом деле было меньше, чем ему казалось. Бояджиев, бывало, слишком обольщался своими учениками, не всегда его любовь и вера достигали цели, но это уже факт биографии тех, кто был неспособен или не хотел оправдывать надежды учителя.

Бояджиев восхищался своими учениками так, как восхищаются и гордятся способными детьми, и не стеснялся говорить, как они талантливы, и какое их ждет блестящее будущее. Способность быть счастливым успехами младших – это альтруистический дар, и Бояджиев им обладал. Поэтому у него столько учеников, и все они по гроб жизни ему благодарны.

Его лекции на наш теперешний вкус, вернее, на вкус нынешней молодежи, могли бы показаться слишком патетичными, слишком, как сейчас выражаются, пафосными (ужасное слово, когда оно употребляется в бранном смысле; в конце концов, что дурного в этой самой пафосности, если она оправдана душевным содержанием, тем восторгом перед театром, без которого невозможно существовать в мире и без которого, по-настоящему, театрального критика нет и быть не может; восторгом перед театром, а не перед собой, рассуждающим о театре). Способность Бояджиева гневаться и восторгаться – замечательная способность. Лекции Бояджиева были театральны, но не потому, что на них он разыгрывал какие-то спектакли, а потому, что умел заражать живыми воспоминаниями о театральных постановках. Для него вообще история театра существовала во многом как история современных постановок старых пьес, «театральных вечеров» – от Софокла до Брехта.

Я помню приход Бояджиева на самую первую лекцию на нашем курсе. Он немножко опоздал к началу учебного года и появился у нас только в конце сентября. И вот открывается дверь, и входит необыкновенно красивый, загорелый человек в элегантном светлом костюме, лектор, – до сих пор помню! – сияющий силой

Бояджиев Григорий Нерсесович (Себа). Ученики

601